

Линии, точки и прочие закорючки

Яреци Фернандез

Величественный храм Будды. Благовония. Жасмин. От него начинает слегка кружиться голова, и девушка, вздохнув, направляется в комнату для занятий по каллиграфии, медитации, офуде и еще чему-то подобному. Сейчас здесь спокойно и тихо. Как раз можно помедитировать.

Ей страшно, она боится, что у нее ничего не получится. Но Тору запретил волноваться, наставница как-то сказала, что "вдруг получится", и она пыталась успокоиться. И если с разумом удалось как-то справиться, то вот бешено колотящееся сердце и влажные ладони говорили об обратном.

Она пришла заранее, чтобы подготовиться к этому занятию. Она никогда еще не была в роли учителя, всегда выбирая себе роль ученика. Она даже не представляла, что именно и в какой последовательности надо говорить, какие вопросы задавать, как правильно отвечать, поэтому записала все возможные вопросы и краткий план экзамена на листике бумаги, который сейчас был в кармане куртки.

В ожидании ученика и проверяющего она разравнивала песок, положила палочку и села, сложив ноги по-турецки. Вроде сначала надо учить человека заниматься на песке. А если ей дадут ученика, который уже что-то знает? Решив, что паниковать надо только в тот момент, когда придет время, она прикрыла глаза и стала заниматься очисткой разума от всякого ненужного мусора. Нужно успокоиться, чтобы не провалить экзамен до его начала. А то будет совсем обидно.

Джун Мотидзуки

Джун никогда не горел желанием стать мастером каллиграфии, но, решив для себя изучить искусство офуда, он столкнулся с необходимостью писать иероглифы кистью, что ему удавалось с большим трудом и отнимало немало времени. Конечно, можно было выучить конкретные заклинания и научиться писать именно их, но молодой японец всегда был приверженцем системного подхода, поэтому на вопрос "стоит ли учиться основам каллиграфии" для себя он ответил положительно.

Наверное, Джун бы еще нескоро решился просить о занятии, если бы не узнал, что его юная тетя, с которой у него всегда были хорошие отношения, собралась сдавать экзамен на младшего мастера. Он знал, как Яреци волнуется, когда ей предстоит серьезное дело, поэтому решил совместить приятное с полезным - поучиться каллиграфии и поддержать родственницу, выступив в качестве благожелательно настроенного ученика.

В Храм Будды Джун пришел за десять минут для назначенного времени, вежливо поклонившись Яреци в знак приветствия и назвал ее "сифу", как было принято в монастыре. Хотел и дальше продолжить в том же духе, но не выдержал и улыбнулся, показывая девушке, что все хорошо, и что он постарается быть примерным и внимательным учеником. И раз учитель и ученик были готовы к

занятию, оставалось только занять указанное Яреци место и ждать проверяющего мастера, который должен был определить, достойна ли его тетя носить гордое звание младшего мастера и чему-то учить бездарей вроде него самого. Хотя его дяде отсутствие такого звания совершенно не мешало гонять по тренировочной площадке и не только желающих познакомиться с классическим японским оружием. Но, наверное, с ним, как всегда, был особый случай.

Ши Ньюо

Ньюо со свойственной ему безразличной благожелательностью воспринимал тот факт, что он был основным мастером, преподававшим в Линь Ян Шо каллиграфию. Его это не пугало и не радовало. Но он был не против, чтобы Яреци справилась с испытанием и взяла на себя часть его работы по преподаванию искусства красивого письма. Ньюо пришел в храм к назначенному времени и приветствовал девушку и её сегодняшнего ученика полупоклоном.

- Доброго дня, - сказал старший мастер с дружелюбной улыбкой. - Яреци, можешь начинать занятие. Я постараюсь не вмешиваться, думаю, ты справишься.

Он сел на циновку чуть в стороне от Джуна и девушки. С этого места он мог видеть, как проходило занятие, но не сидел бы у Яреци над душой. Ньюо считал, что так кандидатке в мастера будет проще сосредоточиться на работе. Старший мастер предпочел бы, чтобы его воспринимали как предмет интерьера, а не как участника этого урока. Он не собирался придирааться или что-то строго оценивать, ему было бы достаточно увидеть, что девушка знает, чему и зачем она учит.

Я буду отвечать раз в 2 круга.

Яреци Фернандез

И если Джуна предупредили, что Яреци будет его учителем, то девушка до появления племянника Тору совершенно не знала о своем ученике. Поэтому когда он вошёл и назвал ей "сифу", она немного успокоилась. Всё-таки надо собраться, чтобы провести занятие нормально и достойно. Только вот почему-то всё ещё сотрясает какая-то мелкая дрожь, пока ещё не заметная. Надо успокоиться. Это необходимо.

Она слабо улыбнулась Джуну и стала ждать проверяющего мастера. Им оказался мастер Ньюо, и девушка сначала хотела встать, чтобы поприветствовать его, но ограничилась лишь почтительным кивком. Она вздохнула и на секунду задумалась, а потом усмехнулась. В её картине мира было всё немного иначе, а получилось, что она, мексиканка, выросшая в России, узнавшая об иероглифах несколько лет назад, решила обучить японца, знающего иероглифы, искусству каллиграфии. Забавно. Хотя, насколько она могла понимать из разговоров с Тору о его детстве, каллиграфией занимались только по желанию, но все прописи и тексты были написаны на них. Значит, в чём-то с Джуном будет проще. Наверное.

Нужно было начинать занятие, и она, вздохнув, посмотрела на своего ученика, стараясь не обращать внимания на мастера. Только вот о чём говорить? Или надо сначала спросить, что он знает, умеет?

- Перед тем, как начать урок, я хочу спросить, что ты знаешь об этом искусстве и чему хочешь научиться? Для чего тебе это нужно? - Спросила она твердым, но слегка дрожащим от волнения голосом.

Джун Мотидзуки

Казалось, Яреци обрадовало, что именно он стал ее сегодняшним учеником. Его двоюродная сестра должна была появиться на свет уже достаточно скоро, поэтому он не хотел, чтобы девушка лишней раз нервничала из-за возможных преподавательских ошибок, и если его присутствие могло придать ей уверенности, то Джун был этому только рад.

Появление мастера молодой человек встретил вежливым поклоном, быстро поднявшись со своего места. В семье его рано приучили проявлять уважение к старшим и более опытным, и эту, по его мнению, хорошую привычку, он считал уместной всегда, где бы и в чьей компании не находился.

Джун ожидал вводной части, поэтому, снова заняв свое место, собрался с мыслями и, выслушав вопросы Яреци, по имеющейся у него привычке, рассказал все, как есть.

- Я решил изучать искусство офуда и столкнулся с необходимостью правильно и красиво прописывать иероглифы, а для этого, как я понимаю, стоит разобраться хотя бы с основами каллиграфии. Для начала, я бы хотел научиться работать кистью и писать простые иероглифы, потому что пока не умею ничего.

Джун замолчал, думая, стоит ли добавить еще что-то, но, в итоге, решил этого не делать. Ему казалось, что самое главное он уже озвучил, сообщив, что ничего не знает и хочет начать с азов. А если у Яреци оставались к нему еще какие-нибудь вопросы, он был готов откровенно на них ответить.

Яреци Фернандез

Девушка выслушала Джуна и кивнула, давая понять, что все поняла. Ей казалось, что это один из немногих ответов, который близок к истине. По крайней мере, для офуды нужна каллиграфия. Ну и для общего развития тоже. А еще ей казалось, что постичь это искусство можно только имея желание. По принуждению всему можно обучиться, даже магии Огня, если, конечно, есть какие-то зачатки. Или вот, математике, про которую ей рассказывали все школьные годы. А вот каллиграфией заниматься надо только от желания. У Джуна такое желание было. Наверное.

- Хорошо. - Она кивнула. - Мне... - она хотела сказать "кажется", но решила, что это слово совсем не подходит для роли учителя. - Я думаю, при должном желании у тебя все получится. Что же, начнем. - Она взяла палочку, которой надо учиться выводить символы на песке. Сначала работа на песке, потом уже, когда рука набита, можно тренироваться на бумаге. Хотя она на песке никогда не рисовала. Интересно, а у нее получится?

- Кисть для каллиграфии, в данном случае палочка, держится вертикально, можно взять за середину. Указательным и средним пальцами с помощью большого формируется основное усилие. Два нижних пальца только слегка поддерживают

кисточку. Запястье обращено к плоскости стола. При этом в ладони — пустота, как будто вместе с кисточкой рука держит надувной шарик. Плечи нужно расслабить. Никакого напряжения быть не должно, если оно возникает, то что-то делается не так.

- Первая линия, которую мы разучим, будет горизонтальная черта хэн. Пишется вот так, - она быстро её начертила, а потом сделала это снова, медленно и комментируя. - Кончик палочки касается песка в движении чуть вниз и влево, затем, медленно, будто капля дождя течёт по стеклу, движется вправо, рисуя горизонтальную черту, чуть наклоненную вверх, и в её последнем движении нажим на палочку чуть увеличивается, создавая утолщение на конце элемента. Эта черта рисуется на выдохе, рука должна быть расслаблена. Попробуй, пожалуйста, начертить ее.

Ей вдруг показалось, что она объясняла все уж слишком дотошно, прописывая каждый шаг. Наверное, можно это было сделать проще, но, вероятно, из-за волнения было тяжело собраться. И хоть голос слегка дрожал, она говорила уверенно. Потому что она сама именно так дотошно и училась этому искусству здесь. В одиночестве, обложив себя всевозможными учебниками. Она взглянула на мастера, ожидая его комментариев. Наверное, он скажет ей, что она неправильно что-то объясняет.

Джун Мотидзуки

Яреци не стала задавать ему дополнительных вопросов, видимо, посчитав, что полученной информации достаточно для проведения первого занятия. И Джун, решив, что поговорить он всегда успеет, а сейчас настало время слушать, сосредоточил все свое внимание на словах и действиях своей сегодняшней учительницы.

Понимая, что с кистью он пока справляется скорее «никак», чем просто плохо, Джун, выслушав задание, послушно взял в руку палочку и постарался выполнить все необходимые условия: горизонтальное положение, правильное расположение пальцев и формирование усилия, расслабленные плечи... Почему-то основные трудности возникли именно с последним. Плечи никак не желали расслабляться, словно он не каллиграфией собрался заниматься, а тяжелым трудом. И, немного помучившись, Джун все же решил не обращать на это внимания и просто попробовать нарисовать черту хэн, так, как оказывала Яреци.

Последний раз он чертил на песке всевозможные палочки и закорючки в глубоком детстве. Да и палка у него была намного длиннее и шире, чем палочка, которую он сейчас держал в руке, поэтому изобразить что-то удобоваримое получилось далеко не сразу. Несколько раз он засыпал песком не понравившийся ему вариант и начинал сначала. Но, после нескольких попыток, Джун все же смог если не повторить, то, хотя бы начертить что-то близкое к тому, что показывала Яреци, и даже вошел во вкус, с трудом сдерживаясь, чтобы вместо конкретной черты не начать выводить всевозможные узоры.

Ши Ньюо

Ньюо смотрел за занятием и не вмешивался, потому что Яреци все делала

правильно. Она выяснила мотивацию ученика и стала объяснять первый элемент, с которого традиционно начиналось изучение каллиграфии - хэн. Яреци обладала неплохой техникой, достаточной для того, чтобы объяснить основы ученикам, которые делают первые шаги в каллиграфии. Теперь Ньяо было интересно, как ученик будет усваивать этот урок.

Хэн была сложным элементом, несмотря на то, что со стороны казалась просто горизонтальной чертой. В ней был её собственный характер, для неё рука должна была понять верное ощущение. Черта наносилась на выдохе, кисть скользила как капля дождя по стеклу. Важно было найти верное ощущение в пальцах, запястье, локте и плече, потому что рука должна быть расслаблена, чтобы каждый иероглиф выходил красивым и правильным. Чтобы сбившееся дыхание или дрогнувшая мысль не испортили то, что пишет каллиграф.

Яреци Фернандез

Яиеци наблюдала за своим первым учеником и старалась ничего не упустить из виду. Она следила за тем, как он сидел, как дышал, хотела было проследить за тем, о чем он думал, но зарубила эту мысль на корню. Мастер Ньяо молчал, и, наверное, это было хорошо. Значит, она делает все правильно. Значит она молодец.

Вот только она совершенно не знала, что делать дальше. Что говорить, что рассказывать и показывать. Или ничего не говорить, а требовать, чтобы он продолжал чертить эту линию на песке до тех пор, пока не получится что-то более похожее на линию? Но как это сделать мягко, чтобы у человека не пропало желание заниматься этим?

Она вздохнула и улыбнулась.

- Не спеши. Эта линия - одна из самых сложных, но значимых. Почти все ключи, а их двести семнадцать, - или двести пятьдесят? - имеют в своем составе эту линию. Считается, что если человек научится писать эту линию, то с остальным проблем не будет.

Она снова взяла палочку, поставила ее вертикально относительно поверхности ящика с песком и медленно, на выдохе, начертила линию. Напряжения никакого не было. Была легкость.

- Попробуй еще раз. Постарайся очистить сознание, не думай ни о чем, а просто представь, что ты - капля дождя, которая стекает по стеклу, - она тепло улыбнулась своему ученику и слабо кивнула. Потом посмотрела на мастера, надеясь, что он не будет ругаться, а то вдруг она неправильно что-то объяснила...

Джун Мотидзуки

Наверное, он немного горячился, стараясь быстрее изобразить то, что получит одобрение его сегодняшней учительницы, и занятие каллиграфией требовало большей усердности, сосредоточенности и, главное, терпения. С последним имелись некоторые проблемы, поскольку обычно Джун легко выезжал на своей способности быстро усваивать новые знания, что прекрасно проходило в школе и колледже, но, похоже, плохо работало здесь. Но, желая показать себя прилежным

учеником, он послушно кивал на слова Яреци и старался максимально точно следовать всем ее указаниям.

- А что из себя представляют ключи? - уцепился он за не очень понятный для себя момент. Про каллиграфию он не знал практически ничего, поэтому собирался исправить данное упущение, насколько это вообще было возможно в рамках одного занятия. Правда он всегда мог воспользоваться родственными связями и попросить свою молодую тетю еще немного поучить его работе с кистью, но сейчас о будущем Джун предпочитал не думать, старательно выводя на песке линию хэн и стараясь следовать всем полученным рекомендациям. И пусть он не мог, в силу отсутствия необходимых знаний, адекватно оценить плоды своих трудов, по его субъективному мнению после нескольких повторений линия начала получаться намного лучше и правильнее.

Яреци Фернандез

И вот Джун задал первый вопрос, над ответом на который надо подумать. В принципе, это было несложно, так как она считала, что не стоит отвлекать ученика, что-то сосредоточенно делающего, лишней болтовнёй. Этим отличались обычно учителя в её школе, и это качество её постоянно нервировало. Сидишь пишешь сочинение по "Войне и Миру", думаешь, как правильно написать, а училка в это время рассказывает про то, как ей нравилась Наташа Ростова в легендарном фильме в исполнении какой-то там актрисы. Нет чтобы просто посидеть и помолчать. Так нет же. Ученик начинает думать об этом, сбивается с мысли, потом пишет какую-то ересь, а затем получает низкую оценку, да ещё иногда с комментариями.

Именно поэтому Яреци планировала подождать, пока Джун закончит мучить палочку с песком. Она снова внимательно следила за движениями и заметила, что последние несколько элементов у него получились более правильными. Она хотела добиться идеального результата, но, скорее всего, нельзя всё занятие посвящать этой линии. Да и на вопрос нужно ответить.

- Достаточно, - сказала она, кивнув. - Ещё немного усидчивости, и всё получится. Теперь можешь пока отложить палочку, она больше не понадобится. Как я сказала ранее, ключей насчитывается где-то двести семнадцать. Под иероглифическим ключом принято понимать графические элементы и иероглифы простые, из которых состоят сложные иероглифы. В справочниках и словарях, которые составлены по такому принципу, иероглифы выделяются в небольшие группы, в которой данный элемент является главным в написании иероглифов.

Она думала, что ещё сказать, но решила пока остановиться на этом. Ведь он спросил, что такое ключ, и она ответила. А там можно и о чём-то другом поговорить.

Джун Мотидзуки

Яреци не сразу ответила на его вопрос, видимо, не желая ему мешать старательно вырисовывать на песке линию хэн. А он, ожидая, когда ему разрешат остановиться, все снова и снова повторял одни и те же движения, с каждой минутой понимая, что каллиграфия оказалась сложнее, чем он думал в начале, поскольку требовала слишком долго сидеть на одном месте и заниматься монотонной работой, чего сам

он совершенно не любил.

Что из себя представляют ключи он, из объяснения Яреци Джун понял сразу, но настолько впечатлился размахом, что ненадолго замолчал и задумался.

- А что надо знать все ключи и держать их у себя в голове? - наконец спросил он, сформулировав волнующий вопрос.

Джун никогда не мог пожаловаться на память, но необходимость запомнить столько всевозможных графических элементов казалось ему чем-то абсолютно фантастичным и нереальным для обычного человека, которым он, даже несмотря на не самые обычные способности, себя считал.

Ши Ньяо

Ньяо было привычнее использовать таблицы, где двести четырнадцать ключей, но он не стал об этом говорить вслух. Таблицы могли отличаться, суть оставалась одной и той же. Его больше удивило, что японец Джун, который должен был с детства писать иероглифы, еще и в их традиционном виде, сейчас так подробно расспрашивал о ключах, которые на самом деле знал с детства, даже если почему-то не заучивал их в виде таблиц.

Но Ньяо нравилось, как Яреци объясняла ученику технику написания хэн. И еще больше нравилось то, что она не отвлекала его во время упражнения, спеша выдать всю важную информацию. Она пока отлично справлялась с работой мастера, обучающего каллиграфии.

Ньяо нередко сталкивался с мнением, что каллиграфия - это мучительно и скучно. Потому что эту искусство не любило спешку и требовало длительных упражнений. Умение ждать, не торопиться и планомерно идти к нужной цели небольшими шагами важно как для подающего надежды ученика, так и для мастера, который его обучал.

Яреци Фернандез

- Можно просто запомнить. Можно распечатать. Можно, - она посмотрела на проверяющего мастера, потом вернула взгляд на Джуна. - ограбить библиотеку. Только потом вернуть. Но думаю, через какое-то время, если постоянно и систематически заниматься, это будет легче.

Она замолчала, думая, что дальше делать. Рассказывать ему про новый элемент или снова требовать выводить линию хэн? Может, попробовать это делать кистью на листе? Она вспомнила, как Тору предлагал ей заняться боди-артом. А ведь в тот раз она этого не стала делать. Потому что было страшно. И как-то странно и непривычно. Может, как-нибудь попробовать?

Она мотнула головой, чтобы избавиться от этих мыслей, и усмехнулась. Погладила свой живот и почувствовала легкий пинок. Дочке что-то не понравилось, а может наоборот понравилось.

- Джун, - внезапно ее осенила мысль, - а ты разве не должен знать иероглифы и ключи? Или в японском языке нет таких ключей как в китайском?

Это действительно казалось странным. Ведь Джун должен же что-то знать. И пока они будут болтать, можно придумать что делать дальше.

Джун Мотидзуки

Сначала Джун просто внимательно слушал, кивая и думая, что надо будет разобраться с ключами, а потом услышал вопрос Яреци и на некоторое время завис, прибитый осознанием того, что все, что он спрашивал до этого лишено смысла.

- Какой же я дурак! - не удержавшись хлопнул он себя по лбу. - Яреци, то есть, сифу... Простите. Я... Не знаю, что сказать. Видимо, решил придумать себе трудности на пустом месте. Понятия не имею, откуда у меня взялось представление, что надо учить что-то еще. Конечно, я умею писать иероглифы.

Давно Джун не чувствовал себя так глупо. Наверное, он слишком привык, что у него все получалось достаточно легко и быстро и, последнее время, начал чувствовать себя умнее многих окружающих его людей, хоть и старался этого не показывать. И, похоже, именно за это высшие силы решили сыграть с ним забавную шутку, объяснив, что сам он глупец, каких еще поискать и любитель придумывать то, чего нет, на пустом месте. Ну или хотели дать Яреци возможность потренироваться отвечать на вопросы, которые ей мог задать ученик, в случае, если экзамен пройдет успешно, и она получит звание младшего мастера. Ведь мастерам, как он знал, проходило возиться как со взрослыми сообразительными людьми, к которым он после произошедшего перестал себя причислять, так и с маленькими детьми, которым очевидные вещи приходилось "разжевывать" по нескольку раз.

Яреци Фернандез

Девушка улыбнулась, глядя на то, как Джун забавно хлопает себя по лбу, вспоминая, что он вообще-то японец и должен знать иероглифы. Это было так забавно и мило, что она на некоторое время забыла о том, что она все-таки старается стать учителем, а учитель в ее понимании - это безэмоциональный человек, который не смеется, не радуется. Может быть потому что в ее школе большинство учителей были такими - на лице маска профессионализма и безразличия, а на переменах они становились людьми, и даже иногда разговаривали со своими учениками. Может быть так и нужно поступать - на уроке сидеть с непроницаемой маской, а уже после общаться и быть человеком?

- Ничего страшного, Джун, - тепло сказала она, думая, что делать дальше. С одной стороны, продолжать занятие больше не имело смысла, ведь Джун все это знал. Но с другой стороны, ей казалось, что лучше все-таки продолжить. - Давай продолжим. Следующая линия, которую я хочу тебе показать, это вертикальная черта шу. Она, как и большинство элементов, пишется на выдохе. Палочка касается песка коротким движением право вверх, затем опускается вниз таким образом, что конец черты прорисовывается самым кончиком палочки. Вот так, - девушка снова взяла палочку, посмотрела на Джуну и проверяющего мастера, а потом осторожно и медленно начертила эту линию на песке. И почему-то ей самой показалось, что линия получилась не такой идеальной, как раньше. А тут еще и ноги затекли. Эх, все как всегда не вовремя. Глубоко вздохнув и на несколько секунд прикрыв глаза, девушка снова начертла эту вертикальную линию. На этот раз получилось очень хорошо, и

она кивнула Джуну.

- Расслабься и постарайся ни о чем не думать, - сказала она и стала смотреть за его действиями.

Джун Мотидзуки

Хоть Яреци и утверждала, что ничего страшного не произошло, Джун продолжал чувствовать себя полным дураком, решившим придумать трудности на пустом месте. Пожалуй, что-то подобное с ним случалось только один раз, когда он забыл про день рождения старшего брата. Когда он знатно повеселил одного своего приятеля, который несколько раз спросил какое сегодня число, потом уточнил, в какой день родился Сэтоши и, получив один и тот же ответ, долго смеялся, видя что он, все никак не может совместить оба этих факта у себя в голове. Но что поделать, иногда человеческий мозг любил пошутить со своим владельцем самым неожиданным образом.

Решив пока больше ничего не говорить, чтобы опять не сморозить какую-нибудь глупость, Джун кивнул, выслушав объяснения Яреци, и приступил к работе. К палочке он постепенно начал привыкать, так что в этот раз дело пошло быстрее, чем с линией хэн. Расслабиться получилось не сразу, но после непродолжительных дыхательных упражнений, он все же смог отбросить лишние мысли и провел вертикальную черту шу, стараясь максимально точно скопировать действия своей сегодняшней учительницы. Получилось не то, чтобы хорошо, но, по сравнению с его первыми пробами, вполне терпимо. По крайней мере так показалось самому Джуну, который хоть и не разбирался в искусстве каллиграфии, имел свои представления о том, как, в идеале, должен выглядеть каждый графический элемент, которые ему показывала Яреци.

Ши Ньюо

Ньюо усмехнулся, хоть и надеялся, что усы и борода это скроют. Яреци максимально тактично попыталась обойти эту оплошность ученика, который придумал себе сложности на ровном месте, и после этого показала вторую черту - шу. Она писалась проще, чем хэн, хотя многие мастера считали, что у каждого каллиграфа происходило по-разному, и те черты, что казались простыми или сложными, зависели от характера пишущего, а не от самого написания.

- Яреци, я предлагаю ограничиться двумя элементами на сегодня, - сказал Ньюо. - Ты поручишь Джуну что-нибудь для самостоятельной работы?

Он считал, что девушка справлялась с тем, чтобы вести занятие по каллиграфии. Не было смысла долго стоять у неё над душой, но она при желании могла продолжить урок после того, как Ньюо озвучит свое решение о том, чтобы присвоить ей статус младшего мастера.

Яреци Фернандез

Она следила за тем, как Джун монотонно, на выдохе, как ей казалось, чертит палочкой очередную линию. Ноги стали затекать, спина заболела от неудобного сидения долгое время на одном месте. Хотелось сесть на стул и продолжить

занятие. Только вот стула здесь не было, и, глядя на то, как спокойно мастер Няю, который выглядел очень взрослым, кажется, даже старше папы, сидел на циновке, решила не шевелиться лишний раз. и не показывать, что её что-то беспокоит. Ведь беременность - это не болезнь, и никто не должен скакать вокруг беременной женщины и кудахтать. По крайней мере, совершать такие действия можно только одному человеку, но его сейчас нет здесь.

Она усмехнулась своим мыслям и услышала голос мастера Няю. До нее не сразу дошёл смысл сказанного, и это заставило её слегка покраснеть и виновато опустить голову. Но потом, посмотрев на работу Джуна, кивнула.

- Хорошо, - сказала она ученику и улыбнулась. - Мы сегодня разучили две важнейших составляющих почти любого иероглифа, и... - она задумалась. - Пожалуй, я тебе дам домашнее задание для самостоятельной работы. Пока твои навыки ещё далеки от идеального состояния, ты можешь потренироваться на песке.

Она задумалась, как правильно сформулировать свою мысль и с огорчением поняла, что, наверное, без посторонней помощи у неё не получится это. Она посмотрела на мастера.

- Сифу, - обратилась она слегка дрогнувшим голосом. - А как правильно давать домашнее задание, если ученик учил эти иероглифы на песке? Когда переходить к наборам и бумаге?

Это глупо получилось? Да, как-то она не подумала о том, что надо будет дать ученику домашнее задание. Эх, главное, чтобы ничего не сорвалось...

Джун Мотидзуки

Стараясь хоть как-то исправиться после своей оплошности, Джун вкладывал все силы, чтобы продемонстрировать, что он не настолько бестолковый ученик, как уже умудрился показать. Черта шу не казалась ему такой же сложной, как хэн, поэтому, по его мнению, получилась у него намного лучше и, главное, быстрее. Правда он мог и преувеличить свои успехи, поскольку ему очень хотелось найти в этом занятии и положительные моменты, чтобы не чувствовать себя полностью опозорившимся перед старшим мастером.

Наконец, мастер Ши Няю решил вмешаться, предложив ограничиться двумя элементами, и Джун с ним внутренне согласился, считая, что для него пока достаточно упражнений, чтобы было чем себя развлечь свободными вечерами, если такие ему светили в течение ближайшего месяца. Молодой японец хотел успеть как можно больше в самые короткие сроки, чтобы иметь возможность в недалеком будущем вернуться домой и предстать перед родителями, которых он так неожиданно оставил.

Пока Яреци уточняла по поводу домашнего задания, сам он скромно молчал, не желая привлекать к себе лишнего внимания, так как в эти минуты решался серьезный вопрос. Джун понимал, что экзамен постепенно подходит к концу и надеялся, что мастер вынесет положительное решение. Он знал, как много его юная тетя работала, практикуясь в каллиграфии, и считал, что с преподаванием она

сегодня справилась очень неплохо. Хотя, конечно, судить об этом мог только Ши Няо, чей огромный опыт позволял рассмотреть потенциал и оценить базу знаний претендента на звание младшего мастера.

Ши Няо

У Яреци возник вопрос, и Няо счёл это хорошим знаком. Она училась быть мастером, и было правильно узнавать у тех, чей опыт преподавания больше, как лучше поступить.

- Пока пусть тренируется на песке, - ответил старший мастер. - Эта комната всегда открыта. Не спеши переходить к туши, пусть рука ученика привыкнет к правильным движениям.

Когда не было возможности тренироваться на песке, советовали отрабатывать элементы на старых газетах, и только потом переходить к специальной бумаге. Она пригодится после того, как результат упражнений захочется сохранить.

- Ты сдала экзамен. Я сообщу об этом Бао сяншэну, - сказал Няо.

Он встал и попрощался с Яреци и Джуном полупоклоном, после чего покинул комнату для занятий.

Яреци Фернандез

Она не ослышалась? Она сдала экзамен и теперь будет младшим мастером? Ведь это не сон? Не сон же, да? Она поклонилась мастеру, но снова вставать не стала. Хотя, наверное, было легче постоять.

- С... спасибо, - тихо и робко прошептала она вслед уходящему мастеру и посмотрела на Джуна. - Да, я думаю, так правильно. Будешь пока тренироваться на песке. Кстати, это действительно хорошая вещь, тренироваться на песке. Чтобы научиться правильно и чётко писать линию хэн, нужно написать её много-много раз. Бумаги не хватит.

Она слабо улыбнулась и покраснела, решив, что на эмоциях стала много говорить, и не по делу. Она даже не знала, как на это известие отреагировать. Ей было очень радостно от этого, и она хотела веселиться. Но сначала надо закончить урок. А потом можно веселиться. И радоваться.

- Джун, спасибо тебе, ты... мне твоё участие очень помогло. Не переживай из-за своей ошибки, мы не роботы, наш мозг на какое-то время тоже может сломаться. Не думай об этом. Наверное, тебе будет легче освоить азы этой науки, чем мне. Я-то иероглифы только здесь увидела... - Она добродушно улыбнулась и разровняла песок.

Джун Мотидзуки

Мастер Ши Няо рекомендовал ему продолжить тренироваться на песке, на что Джун важно кивнул и пообещал себе выкроить время для регулярных занятий каллиграфией, без которых постигнуть так заинтересовавшее его искусство офуда

не представлялось возможным. В конце концов, работа палочкой по песку не отнимала много сил и представлялась ему чем-то вроде полумедитативной практики, позволяющей узнать много нового о самом себе.

Наконец, мастер объявил результаты экзамена, которые заставили его улыбку растянуться чуть ли не для самых ушей, скрывая которую, Джун проводил его более глубоким поклоном, чем того требовали обстоятельства. И как только Ши Ньяо ушел, молодой человек повернулся к Яреци и радостно ей подмигнул.

- Ты молодец! - возбужденно похвалил он свою трудолюбивую родственницу. - Я ничего особенного не сделал, а вот ты справилась очень хорошо. Придется теперь учиться обращаться к тебе "сифу". Давай, я все тут уберу, а ты иди, обрадуй дядю.

Джун не сомневался, что Мотидзуки Тору, который сам не слишком заморачивался по поводу своего статуса, занимаясь чем хочет и когда хочет, очень обрадуется успехам жены. Ну а Яреци, которая уже скоро собиралась стать матерью, положительные эмоции, которые легко читались на ее лице, были только на пользу, тем более, ее успех стал результатом кропотливого труда, что вдвойне увеличивало его ценность.
